

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
М62

Bernard Minier
N'ÉTEINS PAS LA LUMIÈRE

Copyright © XO Éditions, 2014. All rights reserved.

Иллюстрация на обложке *Юлии Девятовой*

Миньер, Бернар.

М62 Не гаси свет / Бернар Миньер ; [перевод с французского Е. В. Клоковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-110493-1

Ты ничего не сделал.

Ты позволил ей умереть...

Еще пару недель назад Кристина, ведущая на местной радиостанции в Тулузе, не могла и представить, что ее жизнь, такая безоблачная и размеренная, за короткое время превратится в дикий кошмар. Вокруг нее стали происходить странные и до смерти пугающие события, совершенно расшатавшие ее рассудок. Анонимные письма, мерзкие надписи на стенах ее квартиры, подброшенные на рабочий стол наркотики, клевета со стороны коллег... И, самое главное, присылаемые ей музыкальные диски с операми, каждая из которых посвящена самоубийству главной героини.

В результате Кристина потеряла работу, ее личная жизнь разрушена, здоровье пошатнулось. Чей-то жестокий расчет толкает журналистку к краю пропасти, полагая, что ее рассудок не выдержит этой пытки. Но Кристина не из таких, она никогда не сдавалась без борьбы. Ей во что бы то ни стало нужно понять, кто добивается ее смерти...

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

© Клокова Е. В., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110493-1

Увертюра

*Беловежская пуца,
на границе Польши с Белоруссией*

Он находился в самом сердце леса. Шел сквозь пургу и стучал зубами от холода. Снег оседал на ресницах и бровях, на стеганой лыжной куртке и насквозь промокшей шерстяной шапочке и мгновенно превращался в лед. Рекс глухо ворчал, проваливаясь в снег по загревок, и то и дело начинал лаять, демонстрируя хозяину свое неодобрение. Чаща отзывалась на его лай гулким эхом. Время от времени пес оставался, отряхивался, как после купания, и с его рыжевато-черной шкуры взлетало облако обледеневшей снежной пыли. Его стройные мускулистые лапы глубоко впечатывались в пухлый белый ковер, а живот оставлял за собой след наподобие санного.

День подходил к концу. Ветер усилился. *Где она?* Где хижина? Человек остановился передохнуть. Спина его под одеждой была мокрой от пота, дыхание сбивалось, из груди рвались хрипы... Лес вокруг жил своей жизнью: шуршали отяжелевшие от снега ветки, трещала, лопааясь на морозе, кора, пел хрустальным голоском ручеек, северный ветер налетал, как дикий зверь, и улюлюкал в ушах. Идти становилось все труднее, мороз крепчал... Господи, как же холодно! Ему никогда в жизни не было так холодно...

Он взгляделся покрасневшими глазами в муть тусклых сумерек и вдруг заметил на снегу какой-то металлический отблеск. Два зубчатых кружала... Капкан... В стальных челюстях зажато что-то темное.

Ему стало не по себе: *она* не было похоже ни на одно живое существо. Попавшего в капкан беднягу терзали, рвали на части и пожирали живьем. Снег вокруг ловушки был за-

пачкан липкой кровью и шерстью, рядом валялись косточки и припорошенные инеем розоватые внутренности.

Внезапно тишину леса нарушил протяжный вой, полоснувший по нервам ржавым лезвием. Человек впервые слышал подобный звук, сплетенный из ужаса, боли и нечеловеческого страдания. Никто из людей не смог бы исторгнуть из глубин своего существа подобного звука. Вой повторился, леденя кровь, и ему показалось, что на него надвигается грозная волна, что она все ближе, ближе... Крик взметнулся в небо и растаял, унесенный порывом ветра.

На короткий миг на землю вернулась тишина, а потом в глубине окутанного тьмой леса зазвучал хор голосов, откликаясь на призыв вожака. Волки... Человек содрогнулся и двинулся дальше, подгоняемый энергией отчаяния и страха. Он шел в ту сторону, откуда доносился вой, и наконец увидел ее. Увидел хижину. Темный приземистый силуэт маячил в конце просеки, и мужчина, не выдержав, побежал, оскальзываясь на обледеневшем снегу. Собака что-то почувяла и с громким лаем помчалась вперед, обогнав хозяина.

— Ко мне, Рекс! Ко мне, собачка! — позвал ее тот. — Рекс! РЕКС!

Немецкая овчарка не подчинилась команде и с разбега влетела в хижину: у порога намело много снега и дверь была приоткрыта. Зыбкую тишину разорвал улюлюкающий, ухающий крик ночной птицы, и ей снова ответил волчий хор: хищники тьякали, визжали, гортанно переговаривались... Они приближались, и человек, с трудом преодолев сугроб, шагнул через порог и оказался в комнате, залитой жарким желтым светом штормовой лампы...

Майор Мартен Сервас повернул голову и окаменел. Ледяная игла прострелила мозг.

Он зажмурился. Открыл глаза.

Это невозможно. Нереально. Я брежу. Или сплю.

В центре комнаты на столе лежала обнаженная Марианна. Тело еще не остыло, хотя воздух в хижине был морозный. «Гиртман не мог далеко уйти...» — подумал мужчина и хотел было кинуться в погоню, но не сумел даже шевельнуться: ноги стали ватными, руки онемели. Он боялся потерять сознание, понимая, что оказался на краю пропасти... Или безумия. Нако-

нец Мартен шагнул вперед, приказав себе не отводить взгляда. Тело Марианны было распорото от ямки на шее до самого паха — и, судя по количеству крови, рану нанесли при жизни. Торс, деревянная столешница и грубые доски пола были глянцево-красными от теплой крови. Сделав разрез, палач оттянул кожу и раздвинул грудную клетку. Все внутренние органы остались на своих местах, кроме одного... Сердце исчезло... Прежде чем уйти, Гиртман положил его на лобок Марианны. Сердце было теплым. Сервас заметил белый пар, поднимавшийся к потолку. Как это ни странно, его даже не затошнило — он вообще не почувствовал отвращения.

Что-то было не так. Его не вывернуло наизнанку. Он не завыл от ужаса, не зашелся в крике, а оступел, впал в какое-то странное оцепенение. Рекс зарычал, оскалил клыки, и шерсть на его загривке встала дыбом. Пес смотрел на приоткрытую дверь, и в его желтых глазах плескались угроза и страх.

Полицейский похолодел. Он подошел к двери и выглянул наружу.

Они пришли на поляну. Взяли хижину в кольцо. Человек насчитал восьмерых. Восемь волков. Отощавшие от голода хищники.

Марианна...

Нужно отнести ее в машину. Мужчина вспомнил, что оставил оружие в бардачке. Рекс все не унимался, и Сервасу передались ужас и растерянность мохнатого друга. Он погладил его по голове успокаивающим жестом. Овчарка дрожала крупной дрожью, и Мартен, присев на корточки, обнял ее за шею:

— Ничего, дружок, все будет в порядке.

Пес посмотрел на хозяина, и в его золотистых глазах было столько любви, что Сервас едва не расплакался. Он знал, что шансов на спасение нет и что ему предстоит сделать самую тяжкую и самую трудную вещь на свете.

Мартен вернулся к столу, взял сердце и вложил его в грудную клетку Марианны. Затем, судорожно сглотнув, закрыл глаза и взял обнаженное тело на руки. В голове мелькнула нелепая мысль: «Не такая уж она и тяжелая...»

— Вперед, Рекс! — приказал он и направился к двери.

Пес недовольно гавкнул, но последовал за хозяином. Он глухо рычал, прижав уши и спрятав хвост между лапами.

Волки ждали, выстроившись полукругом. Их желтые глаза горели, как угольки в камине. Шерсть собаки встала дыбом, она свирепо скалилась, угрожая хищникам, а те завывали и шерились, показывая чудовищные клыки, и из их разинутых пастей текла слюна.

Овчарка залаяла. Одна против восьми. Домашний питомец против хищников. У него не было ни малейшего шанса.

— Давай, Рекс! — скомандовал Сервас. — Ну же... ФАС!

Он заливался слезами, его нижняя губа дрожала, его внутренний голос вопил: *Нет! Остановись! Не делай этого, не слушай меня!* Пес заходился лаем, но с места не двигался. Его научили беспрекословно повиноваться приказам, но сейчас инстинкт выживания оказался сильнее.

— Пошел, Рекс! Вперед! — снова велел ему майор.

Обожаемый хозяин — никто в этом мире не будет любить его сильнее, никто не сумеет проявить большую верность! — отдал приказ, и в его голосе прозвучал гнев:

— НУ ЖЕ, ВПЕРЕД, ЧЕРТ ТЕБЯ ПОБЕРИ!

Рекс хотел помочь хозяину, доказать свою преданность. Ему было страшно, но он кинулся на волков.

Сыщику вдруг показалось, что собака может одолеть своих извечных врагов. Когда вожак стаи прыгнул на пса, тот ловко увернулся, вцепился ему в шею, и волк заскулил от боли, а другие хищники сразу попятились назад. Вожак и овчарка сплелись в смертельном объятии. Рекс превратился в дикого, свирепого, кровожадного зверя.

Дольше ждать было нельзя.

Мартен развернулся и пошел прочь. Волки не обращали на него внимания — пока. Он брел по аллее с телом Марианны на руках и плакал, слыша за спиной жалобный вой своей собаки и плотоядное рычание стаи. Рекс издал пронзительный крик, полный боли и ужаса. *Рекс звал его на помощь.* Сервас стиснул зубы и ускорил шаг. Еще триста метров...

В ветреной ночи прозвучал последний скорбный взвизг и наступила тишина. Рекс погиб. Мужчина не знал, удовольствуются волки этой победой или кинутся в погоню за ним. Ответ на свой вопрос он получил почти сразу: хищники воз-

бужденно затаивали — их не пугали метель и холод, они преследовали добычу, и этой добычей был человек.

Машина...

Она была припаркована у обочины дороги, до нее осталось не больше ста метров. Кузов покрылся тонким слоем снега. Страх подгонял майора — быстрее, еще быстрее! — он задыхался, и его легкие готовы были взорваться от напряжения. Рычание раздалось прямо у него за спиной. Он резко обернулся. Волки догнали его. Четыре хищника из восьми... их янтарно-желтые влажные глаза смотрели, не моргая: они как будто оценивали ситуацию. Он не сможет добраться до машины. Слишком далеко. И тело Марианны все сильнее оттягивает руки...

Она мертва. Ты больше ничего не можешь для нее сделать. Но за собственную жизнь есть шанс побороться...

Нет! Его мозг отказывался воспринимать эту идею. Он уже пожертвовал своей собакой. Тело Марианны еще не остыло, куртка Серваса пропиталась ее кровью. Он поднял глаза, и ему почудилось, что небо над ним разверзлось, что Вселенная стремительно надвигается на него и вот-вот проглотит. Снежинки кружились в танце и падали на землю, как летучие звезды. Мартен издал вопль ярости и отчаяния, но волков это не впечатлило. Им надоело ждать, они чувствовали, что этот одинокий человек не представляет никакой опасности. Хищники чуяли его страх и запах крови второй жертвы. Не один пир. Целых два. Они были слишком голодны и слишком возбуждены.

Прочь! Пошли вон! УБИРАЙТЕСЬ, МЕРЗКИЕ ТВАРИ! Он произнес это вслух, или его мозг исторг безмолвный вопль?

Беги! Не медли! Для нее все кончено. Беги!

На этот раз мужчина подчинился своему внутреннему голосу. Он «поставил» Марианну на снег, сунул руку в ее рану, нащупал сердце — все еще теплое, упругое, вытащил его и сунул себе за пазуху, туда, где билось его собственное, живое, сердце. Свитер был мокрым от крови. Он уронил бледное голое тело, и снежный саван с тихим вздохом принял его в свои объятия. Сервас медленно отступил на три шага, а волки набросились на труп. В мгновение ока человек оказался рядом с машиной. Дверцу он не запер, но боял-

ся, что она примерзла. Из последних сил Мартен потянул за ручку окровавленными пальцами и едва не опрокинулся на спину, когда она заскрежетала и внезапно открылась.

Сервас рухнул на сиденье. Рука в липкой от крови перчатке так сильно дрожала, что он с трудом вытащил ключ из кармана и чуть не уронил его, пытаясь вставить в зажигание. Но Мартен справился с ключами, после чего бросил взгляд в зеркало и вдруг понял, что сзади него кто-то есть. Ему стало ясно, что он сходит с ума. *Нет, этого не может быть!*

А она открыла рот и произнесла молящим тоном:

— Мартен...

— Мартен! Мартен!

Сервас вздрогнул и открыл глаза.

Он сидел в старом кожаном кресле, уронив правую руку с подлокотника, а Рекс лизал ему ладонь.

— Прекрати немедленно! — произнес чей-то голос. — Давай, давай! Пойди поищи себе другую игрушку! Как ты, Мартен?

Пес удалился, виляя хвостом. Он был настоящим хозяином здешнего заведения, он принадлежал всем и никому персонально, и играть с ним стало частью терапии. Полицейский встряхнулся — в точности как овчарка в его сне — и уставился в телевизор. Показывали репортаж о французской космической программе. На экране мелькали кадры съемки Космического городка¹, расположенного на восточной окраине Тулузы, и корпуса Высшего института авионики и космоса, выстроенного на склоне холма в центре города, неподалеку от Обсерватории Жолимон.

Кроме Серваса и Элизы, в общей гостиной никого не было. Мартен понял, что задремал перед телевизором, разомлев от жары в этот бесконечно долгий и нудный зимний день (в здании сильно топили). Сыщик повернул голову в сторону балконной двери. Солнце все утро сияло над заснеженным

---

¹ Космический городок — тематический парк развлечений, посвященный освоению космоса и истории Солнечной системы. Был открыт в июне 1997 г. по инициативе мэрии Тулузы. За первые десять лет существования этого парка развлечений его посетило более трех миллионов человек. (Здесь и далее примечания переводчика.)

пейзажем, в коридорах витал аромат кофе — там смеялись и переговаривались сотрудники, — и огромная, украшенная кем-то из пансионеров елка радовала взгляд каждого, кто видел ее. Снег сверкал и переливался, и душа проснувшегося мужчины ненадолго обрела безмятежный, почти детский покой.

Но сразу после обеда («постояльцы» ели в общей столовой) холодный ветер загнал солнце за тучи. Голые ветки деревьев застучали в стекла, температура упала до -1°C . Одолеваемый мрачными мыслями майор устроился в кресле перед телевизором. Убавив звук, он погрузился в забытье и увидел кошмар.

— Вы кричали, — сказала Элиза. — Плохой сон?

Мартен посмотрел на нее мутным взглядом и внутренне содрогнулся, вспомнив заснеженный лес, хижину, волков... и Марианну... Кошмарный сон, навеянный ужасной реальностью. Осталась ли у него надежда? Ответ ясен: никакой.

— Вы уверены, что все хорошо? — допытывалась Элиза.

Эта пухленькая сорокалетняя женщина со смеющимися глазами была единственной сотрудницей центра, которая нравилась Сервасу, и единственной, кто мог выносить его. Все остальные сотрудники раньше работали в полиции. Сначала они сами были пациентами центра, потом стали его хозяевами: их называли общественными медицинскими помощниками. Они проявляли к другим пансионерам братское участие, которое Сервас воспринимал как нечто навязчиво-липкое.

Они его не любили. Он отказывался соблюдать правила игры. Не желал смириться, не собирался жалеть себя и сотрудничать...

А вот Элиза ничего от него не ждала.

И никогда не работала в полиции. Ее много лет унижал и третировал муж, и она в конце концов ушла от него. Чаша терпения этой женщины переполнилась после одного вопиющего случая: супруги поехали гулять за город, она что-то «не так сказала», и мерзавец сел в машину и уехал, бросив Элизу с маленьким сыном в незнакомом месте среди ночи. После развода бывший муж день и ночь донимал ее телефонными звонками, поджидал после работы, подкарауливал в супермаркете, молил о прощении, грозился похитить сына или убить их обоих, а потом покончить с собой... Однажды

он так сильно толкнул ее на парковке, что она ударилась головой о бампер собственной машины и потеряла сознание. Все это произошло на глазах у ребенка. Судья выдал запретительный ордер, но бывший супруг Элизы не утихомирился: у него и раньше бывали неприятности с полицией, и он знал, что ему ничего не грозит. А Элиза нашла работу в доме отдыха для вышедших в тираж полицейских и быстро стала всеобщей любимицей. Через какое-то время она поделилась своими проблемами кое с кем из пансионеров, и в один далеко не прекрасный день у экс-мужа началось «тесное общение» с полицейскими. Они наносили ему визиты по самым ничтожным поводам, звонили утром, днем и вечером на работу, заезжали, чтобы дружески поприветствовать, как минимум два раза в неделю парковались у его дома, подходили на улице, «тыкали» ему при соседях, а иногда «случайно» толкали — о, конечно, не так сильно, как он толкнул свою жену! Бывший обещал подать жалобу за преследование, но ничего подобного, естественно, не сделал, а вот жену с малышом доставать перестал. Как только негодяй исчез из жизни Элизы, она как будто помолодела и снова стала энергичной, полной сил, веселой женщиной с заразительным смехом.

— Звонила ваша дочь, — сказала она Сервасу.

Тот приподнял бровь.

— Я сказала, что вы спите, и она не велела будить вас, но просила передать, что скоро заедет, — добавила женщина.

Мартен взял пульт и выключил телевизор. Поднявшись, он посмотрел на свой изношенный свитер, замахрившийся на локтях и манжетах, и внезапно вспомнил, что завтра Рождество.

— Может, хоть по случаю праздника побреетесь? — подколола его Элиза.

Пациент ответил не сразу.

— А что будет, если не побреюсь? — поинтересовался он наконец после долгой паузы.

— Подтвердите то, что думают о вас почти все, кто тут живет.

Сервас снова вздернул бровь:

— А что они думают?

— Что вы бирюк и бука.

— И вы с ними согласны?

Женщина пожала плечами:

— Что и говорить, характерец у вас тот еще...

Мартен рассмеялся, а она улыбнулась, покачала головой и вышла. Когда дверь за Элизой закрылась, Сервас задумался. Его не волновало, что думают о нем другие, но Марго не должна видеть его таким. Последний раз дочь навещала его три месяца назад, и он до сих пор не забыл, с какой печалью и укоризной она тогда на него смотрела.

Сервас прошел через холл и начал подниматься по лестнице. Его комната находилась под самой крышей и была очень маленькой — едва ли больше девяти метров. Обставлена она была по-спартански: кровать, узкая, как ложе тайно вернувшегося на Итаку Одиссея, шкаф, письменный стол, несколько полок с книгами — Платон, Цицерон, Тит Ливий, Овидий, Сенека... Размеры временного пристанища и отсутствие уюта не волновали Серваса, зато вид из окна на лес и поля был хорош даже зимой.

Он сменил старый свитер и майку на рубашку и чистый пуловер, надел любимую стеганую куртку, шарф и перчатки, спустился на первый этаж и покинул дом через заднюю дверь. Дойдя по засыпанной снегом равнине до ближайшего перелеска, вдохнул полной грудью холодный влажный воздух. Его окружала вселенская тишина, а на снегу не было ни одного следа — здесь никто не гулял.

Мартен очистил каменную скамью, уютно устроившуюся под двумя вековыми деревьями, и сел. «Черт, как же холодно!»

В небе, белом под стать окружающему пейзажу, летали вороны, и мысли в голове у сыщика были такими же мрачными, как оперение этих птиц. Он запрокинул голову и сделал глубокий вдох. В памяти, как посмертный отпечаток портрета убийцы на сетчатке жертвы, всплыла улыбка того человека. В прошлом месяце он перестал принимать антидепрессанты, не поинтересовавшись мнением лечащего врача, и сейчас вдруг испугался, что тьма снова поглотит его.

Возможно, он поторопился...

Полицейский понимал, что недуг может убить его. Он сражается с тяжелой депрессией, его мозг бьется в конвульсиях, как попавший в капкан зверь, и никто не знает, надолго ли его хватит.

Жестокое страдание опустошает душу.

Полгода назад ему домой пришла посылка, доставленная UPS¹. Отправитель, некий М. Особа, жил в Пржевлке, на востоке Польши, в лесистой местности на границе с Белоруссией. Внутри картонной коробки находился термобокс. Сердце едва не выскочило у Серваса из груди, когда он поддел кухонным ножом сургучную печать. Сыщик не помнил, что именно ожидал найти внутри. Отрезанный палец? А может, даже кисть руки (учитывая размеры упаковки)? Но увиденное оказалось во сто крат хуже. Предмет в форме большой груши красного — нет, алого, как сырое мясо, — цвета. Сердце... Определенно человеческое. Приложенная записка была не на польском, ее написали по-французски:

Она разбила твое, Мартен. Думаю, теперь ты наконец почувствуешь себя свободным. Сначала будешь страдать, но потом успокоишься — нет смысла искать, не на что надеяться. Подумай об этом.

*С дружескими чувствами,
Ю.Г.*

Последняя надежда — мизерная, призрачная: это жестокая дурная шутка и сердце не ее...

Сотрудники лаборатории сделали генетический анализ, сравнив ДНК «подарка» с ДНК сына Марианны Юго, вынесли вердикт, и разум Серваса дрогнул. По указанному на посылке адресу находился отдельно стоящий дом в глубине векового леса. Беловежская Пуща была одним из последних первозданных лесных массивов Европы. Единственным нерукотворным памятником необъятного леса эпохи герцинской складчатости², который в начале христианской

---

¹ United Parcel Service, Inc., или UPS — американская компания, специализирующаяся на экспресс-доставке и логистике.

² Герцинская складчатость (по названию горной группы Центра Европы, известной у древних римлян как Герцинский лес) — совокупность процессов интенсивного горообразования, завершившихся возникновением во второй половине палеозойской эры складчатых горных систем.

эры покрывал весь север континента. Взятые на месте анализы подтвердили, что Гиртман жил там — как и многие женщины, похищенные в последние годы в разных европейских странах. В том числе и Марианна... Сыщик выяснил, что фамилия «Особа» переводится с польского как «человек»: Гиртман тоже читал Гомера.

Разумеется, след на этом обрывался...

Месяц спустя Мартена признали временно негодным к службе и направили в центр, где впавших в депрессию полицейских заставляли заниматься спортом по два часа в день и выполнять мелкие бытовые поручения — например, сгребать опавшие листья в парке. Он беспрекословно подчинялся, когда ему давали эти задания, но вот от групповой терапии отказался наотрез. Уклонялся сыщик и от общения с другими пансионерами: почти все они были алкоголиками — то ли в силу природной склонности, то ли из-за «трудовой биографии». Люди годами купались в нечистотах, имея дело с отбросами общества, и неизбежно срывались. Даже самый бесчувственный и твердолобый человек ломается, когда его в глаза называют легавой сукой, мусором, сволотой, когда его детей задирают во время перемены на школьном дворе только за то, что их отец — полицейский, когда жена уходит, заявив, что «ей все обрыдло». Тех, кто стоит на страже безопасности граждан, эти самые граждане ненавидят и презирают, а подонки общества прохлаждаются в это время на террасах кафе или в постели с девками... Большинству постояльцев центра хоть раз да приходила в голову мысль о самоубийстве.

У депрессии много пагубных последствий. Одно из них — невозможность сконцентрироваться и заниматься своим делом. Патрон Серваса комиссар Стелен быстро понял, что майор совершенно выбит из колеи и неработоспособен. Да Мартен и сам это осознал. Ему было плевать на убийц, насильников и грабителей всех мастей. Он утратил вкус не только к работе, но и к еде, к происходящим в мире событиям и к своим любимым латинским авторам.

Даже музыка Малера перестала его волновать...

Последний симптом пугал мужчину сильнее всего. Выбрался ли он из пропасти? Не факт, хотя в последнее время появи-